

Людмила Килевая
Айна Рахимова

Паритетная риторика коммуникации – путь к транскультуральности

Parity rhetoric of communication as a way to transculturalism

UDC 811.161.1-25

*Przyjęto 03.02.2019
Zaakceptowano 18.07.2019*

Abstrakt

Niniejszy artykuł jest poświęcony problemowi komunikacji w przejściowym okresie przemiany kulturalnego paradygmatu strukturalizmu funkcjonalnego na paradygmat kultury postmodernistycznej. To determinuje kształtowanie się nowego modelu socjokulturalnego. On formuje się na podstawie koegzystencji dwóch modeli socjokulturalnych: strukturalistycznej i postmodernistycznej, i ich pełnej integracji do transkulturowości modelu społeczeństwa. W artykule są przedstawione teoretyczne podstawy transkomunikacji, opisane komunikacyjne usterki na drodze do transkulturowości, również podane oddzielne rekomendacje po prawidłowej komunikacji w warunkach transkulturowego modelu. Badanie bazuje się na analizie faktycznego materiału fragmentów komunikacji, zebranych przez autorów artykułu w różnego rodzaju socjalnych instytucjach i w ośrodkach socjalnych usług, w szczególności transporcie pasażerskim, społecznych toaletach itd. Wyznaczone «usterki komunikacyjne», w zależności od dominującego czynnika, były podzielone na następujące rodzaje: a) temporalne; b) lokalne; c) międzyosobowe.

Wskutek przeprowadzonej analizy ujawniono, że we współczesnej komunikacji wyznacza się dużo transkomunikacyjnych usterek. To powoduje wypracowania konieczności wyrabiania wyraźnych prawidłowych środków, które mogą być wykorzystane w różnego rodzaju socjalnych i mownych praktykach przez wszystkich przedstawicieli społeczeństwa. To będzie sprzyjało kształtowaniu się transkulturowej kompetencji komunikacyjnej i pozwoli przedstawicielom społeczeństwa wpisywać

się do nowego modelu socjokulturalnego, a zreszty uzyskać jakości mediatora kultur, nie gubiąc przy tym osobistej kulturalnej identyczności.

Słowa kluczowe: strukturalizm, postmodernizm, model socjokulturowy, komunikacja, transkulturowość, usterka transkulturowa

Abstract

This article is sanctified to the problem of communication in a transitional period of changing of cultural paradigm of structural on the paradigm of post-modern culture. It supposes a new sociocultural model that is formed on the basis of co-ordination of two sociocultural models: structural and post-structural, up to their complete integration in the transcultural model of forming of society. The oretical bases of transcommunication are presented in the article, communicative failures are described in the different variants of their display, and also certain recommendations offer in the conditions of transcultural model of communication. Research is base on analysis of actual material of the fragments of communication, collected by authors in different family social establishments and facilities of social services, in particular in a passenger transport, public establishments etc. The educed communicative failures, depending on a dominant criterion, were divided by next types: a) temporal; b) local; c) interpersonal.

The conducted analysis shows that the great number of communicative failures registers in the modern terms of communication. It predetermines the necessity of rule-making with the purpose of the use of them in different family social and language practices by all members of society. It will assist forming of transcultural of communicative competence and will allow to the representatives of society to blend in transitional, transcultural, model and on the whole to become the neurohumor of cultures, not losing an own cultural identity here.

Key words: strukturalizm, post-modernism, sociocultural model, transcommunication, transcultural defect

Транскультурный сбой как противоречие двух социокультурных моделей

Смена культурной парадигмы функционального

структурализма прошлой эпохи на парадигму постмодернизма, характеризующегося паритетным началом, предопределяет в современный период развития формирование новой социокультурной модели. Она основана на постулате о том, что основу постмодернистской (постструктуралистской) культуры закладывается культурой структурализма, которая продолжает носить устойчивый характер. Это в свою очередь приводит к одновременному существованию двух социокультурных моделей: структуралистской и постструктуралистской (постмодернистской); и к переходному этапу трансформации первой модели, с учетом ее позитивного потенциала, во вторую модель вплоть до их полной интеграции. Идеальным результатом такой интеграции является получение транскультурной модели формирования общества. От оптимальной реализации такой модели, основанной на явлении, получившем в гуманитарных науках название транскультуральности, зависит ряд аспектов современных социумов.

По располагаемым данным, сущность транскультуральности как своего рода переходного социокультурного явления в настоящее время оказывается малоизученной. Это проявляется, в частности, в том, что в гуманитарных науках не выработан единый терминологический аппарат для ее описания; отсутствует четкая дифференциация термина *транскультуральность* и смежных с ним терминов; не определены параметры самой транскультурной модели; не представлен опытно-иллюстративный материал фрагментов динамики ее реализации либо сбоев при ее осуществлении. Между тем, как показывают проведенные наблюдения, в социумах постсоветского пространства путь к транскультуральности как раз сопровождается такого характера сбоями. Все сказанное обуславливает актуальность исследования обозначенного явления в спектре разных направлений, в том числе и в изучении характера коммуникативных сбоев в сложившейся социокультурной модели.

Целью настоящей статьи является описать отмечающиеся коммуникативные сбои на пути к транскультуральности и представить отдельные рекомендации по эталонной коммуникации в условиях транскультуральной модели.

В основу исследования положен анализ фактического материала фрагментов коммуникации, собранных авторами в разного рода социальных учреждениях и в средствах социальных услуг, в частности пассажирском транспорте, общественных туалетах и т.д. Для обозначения последних нами вводится условный термин *социальные службы*. Участниками коммуникации явились: а) лица, представляющие собой, с одной стороны, клиентов социальных учреждений либо социальных служб, с другой стороны – их сотрудников; б) клиенты выше обозначенных социальных учреждений либо социальных служб, вступающие в непосредственный диалог друг с другом. Материал исследования собирался в полевых условиях избирательным методом посредством ручных записей.

Специальной оговорки требует тот факт, что данное исследование находится на начальной стадии разработки, а его фактический материал ограничивается отдельными учреждениями и службами города Могилева (Республика Беларусь). Из этого следует, что сделанные в результате анализа выводы носят предварительный характер и нуждаются в определенной экстраполяции с целью дальнейшей корректировки.

Существующий в ряде гуманитарных наук терминологический разнобой, касающийся феномена транскультуральности как нового социокультурного явления, предопределяет необходимость выработки определенной методологической базы ее исследования.

В качестве отправной точки в настоящем исследовании принята дефиниция термина «транскультуральность», предлагаемая З.Г. Прошиной (2017: 157), которая пишет: «Транскультурность, или транскультуральность, предполагает одновременное существование

индивида в роли сразу нескольких идентичностей в разных культурах, с сохранением отпечатков каждой из них». Применительно к настоящему исследованию, на основе собранных данных теоретических источников, приведенное определение можно расширить до обозначения данного явления в виде осуществления коммуникации представителями разных культур в единой пространственной зоне. Эффектом его реализации становится социокультурная модель, которую можно обозначить как транскультурная модель. При этом под социокультурной моделью понимается конструкт, формирующий поведение человека посредством влияния на него общества и отдельных социальных групп.

Процесс вхождения в зону транскультуральности определяется исследователями с помощью термина *транскультурация*. Вводя вслед за кубинским антропологом Фернандо Ортисом данный термин, М.В. Тлостанова (2011: 133) пишет: «Современное понимание транскультурации как социокультурной модели... означает пересечение нескольких культур, курсирование между ними и особое состояние культурной потусторонности – не там и не здесь или и там, и здесь, в зависимости от индивидуального переживания этого состояния». Как справедливо отмечает З.Г. Прошина (2017: 158), «в результате транскультурации возникает новая сфера культурного развития за границами сложившихся национальных, расовых, гендерных и профессиональных культур через преодоление замкнутости их традиций, языковых и ценностных детерминаций».

Очевидно, что вхождение в зону транскультурной коммуникации представляет собой отнюдь не одномоментный процесс. Доминирующим фактором данного процесса, по М.В. Тлостановой (2011: 134), является «коммуникативное измерение, в рамках которого иное рассматривают в коммуникативном процессе не как препятствие, которое нужно привести к общему знаменателю *своего*, а как самостоятельного субъекта с

собственными диспозициями». Иными словами, речь идет о паритетных началах общения между участниками коммуникации, реализация чего является довольно сложным процессом. Не случайно это подчеркивает и М.В. Тлостанова (2011: 134): «Полное понимание иного как синтез двух я или двух культур, возможно, и не состоится, непременно останутся точки непрозрачности, коммуникативной пробуксовки, предотвращающей в принципе полное присвоение иного, но зато состоится плодотворный процесс транскulturации как эгалитарного культурного взаимодействия». Отмечающиеся коммуникативные пробуксовки мы определяем как сбой в транскulturной коммуникации, или транскulturный сбой. В зависимости от доминирующего фактора транскulturного сбоя мы выделили следующие его виды:

- а) темпоральный;
- б) локальный;
- в) межличностный.

Как следует из вышеприведенного высказывания З.Г. Прошиной, а также источников теории вопроса, проблемы конфронтации на пути к транскulturной модели связываются в гуманитарных науках прежде всего с различиями расового, этнического и гендерного характера. Не менее значимой является и проблема коммуникативного поведения представителей одной и той же национальности, обладающих, однако, разными культурными ценностями. Коммуникативные сбои в общении такого рода возникают не менее редко, нежели на почве национальной либо расовой принадлежности, следовательно, нуждаются в разработке стратегий и тактик их предотвращения. В этой связи актуальным представляется поиск эталонов коммуникативного поведения принадлежащих к разным культурным зонам участников, с целью выработки у них навыков, позволяющих вписаться в современную транскulturную модель.

Риторика общения с темпоральным транскультурным сбоем

Наблюдения показывают, что отсутствие компетентности в коммуникативном поведении, соответствующем транскультуральной модели, у одного из коммуникантов провоцирует темпоральный транскультурный сбой, основным фактором которого является время. Порождаемая им шкала прежней культуры структуриализма в противовес современной культуре постмодернизма предопределяет оппозицию: 'коммуникант прошлого – коммуникант современности'.

По отношению к советскому периоду можно утверждать, что коммуникант прошлого формируется в рамках структуралистской социокультурной модели. Современная постмодернистская культура стирает в человеческом сознании грани дуальных оппозиций, а периферийные, то есть маргинальные, компоненты оказываются в ней равноправными ядерному компоненту. В контексте этого сознания реальность предстает как реальность виртуальная, идеальная, что способствует вариативности восприятия любого фрагмента мира.

Постмодернистский призыв Лесли Фидлер *Засыпайте рвы, переходите границы!* (Халина 2008) обуславливает нивелирование границ, отсутствие амбивалентности прямо противоположных явлений действительности, что приводит к состоянию модели одноуровневой реальности, а постмодернистское сознание при этом характеризуется как феномен одноуровневой культуры (Цит. по: Жумабекова, Килея 2015: 35). В рамках сменяющихся культурных парадигм он противопоставлен философии амбивалентности, характерной для культуры структуриализма, находящейся в полной оппозиции к организации модели постмодернистской культуры, сформированной на принципе антропоцентризма. Если принцип структуриализма предопределяет четкую оппозиционную систему элементов, то принцип антропоцентризма актуализирует значимость человека, независимо от его социального статуса

и социальной роли в той или иной жизненной ситуации. Сказанное позволяет выдвинуть гипотезу, согласно которой коммуникативное поведение представителя прошлой, структуральной, социокультурной модели и современной, постструктуральной, может оказаться прямо противоположным, что в свою очередь провоцирует темпоральный транскультурный сбой. Однако при этом ни самый транскультурный сбой, сформированный из-за темпорального несоответствия культурных сфер участников коммуникации, ни способы и методы его преодоления, по располагаемым нами данным, как проблема не заявлена в виде одного из аспектов транскультурности. Необходимость такого рода исследований очевидна, поскольку от компетенции участников коммуникации, связанной с темпоральным сбоем, зависит психологический комфорт социума.

Среди выдвинутых учеными четырех измерений культуры применительно к обозначенной проблеме актуализируется первое из них – дистанция власти. По отношению к бывшему Советскому государству, существовавшему структуралистской культуре, можно говорить о высокой дистанции власти. На смену ей в странах постсоветского пространства постепенно, однако, это измерение переходит на совершенно противоположный конец, отвечающий условиям культуры постмодернизма. Иными словами, следует говорить о низком уровне дистанции власти. Коммуникант прошлого, как правило, руководствуется коммуникативными правилами, сформировавшимися в советский период авторитаризма, что в полной мере вступает в противоречие с потенциальным ожиданиям коммуниканта современности, усвоившим совершенно новые правила общения. Это приводит к ситуации, провоцирующей темпоральный транскультурный сбой. Следует подчеркнуть, однако, что применительно к социальным учреждениям и службам города приведенная гипотеза подтверждается фрагментарно, поскольку в большинстве из них коммуникативного противоречия между сотрудниками

и посетителями не наблюдалось. Очевидно, что данный факт, вызывающий здоровый оптимизм, одновременно приводит к определенным трудностям при сборе фактического материала по транскультурному сбою темпоральной направленности.

Как свидетельствуют наблюдения над собранными данными коммуникации в условиях темпорального сбоя, транскультурные препятствия преобладают главным образом в разного рода социальных учреждениях и социальных службах государственной формы собственности и реализуются в виде недопонимания между сотрудниками и посетителями. В отмеченных учреждениях и службах частной формы собственности сотрудники, как правило, используют комплекс методов и приемов, позволяющих в ситуации общения даже с негативно настроенным клиентом облегчить начальный этап коммуникации и стимулировать весь дальнейший ход этого процесса. К числу таких приемов относятся улыбка, обращение к собеседнику по имени, комплимент и т.д. Хорошо известные каждому человеку, часто неосознанно применяемые в повседневной практике действенные приемы общения, позволяют расположить к себе собеседника и заложить основу для продолжительной и эффективной коммуникации. Этим объясняется, на наш взгляд, практически полное отсутствие коммуникативных сбоев в рамках коммуникаций: продавец – покупатель, банковский работник – клиент, оператор и администратор услуг связи – пользователь связью и под.

Как уже отмечалось, причиной наблюдаемых темпоральных сбоев в большинстве своем является темпоральное несоответствие в общении между т.н. коммуникантом прошлого периода и коммуникантом современности. К первым из этих коммуникантов, согласно проведенным наблюдениям, относятся в основном лица старшего поколения. Причем это могут быть как сотрудники социальных учреждений и социальных служб, так и их клиенты. Так, в Расчетно-кассовом центре

одного из районов города можно было наблюдать следующую коммуникативную ситуацию в параметре «влиятельное лицо – заинтересованное лицо». В роли влиятельного лица выступила паспортистка, которая, усвоив советскую риторику авторитаризма, при обращении к посетителю использовала не прямой и аффективный стили вербальной коммуникации в виде фразы типа *Здесь заполняйте*, сопровождаемой негативными элементами невербальной коммуникации в виде интонационной агрессии и высокомерных взглядов, указывающих клиенту (заинтересованное лицо) на его зависимость от сотрудника учреждения. Когда же отсутствие необходимой информации не позволило адресату правильно заполнить бланк, она обвинила во всем данного посетителя. Результатом такой коммуникации явилось то, что посетитель, как представитель коммуникации современности, но еще не вписавшийся в формируемую транскультурную модель и, следовательно не способный объяснить коммуникативное поведение своего собеседника, болезненно отреагировал на сложившуюся ситуацию.

Как показали дальнейшие наблюдения над данным социальным учреждением, работница, по-видимому, неоднократно провоцировавшая темпоральный коммуникативный сбой, в настоящее время в нем не работает. Можно предположить, что причиной ухода с места работы оказались жалобы клиентов и последующая официальная реакция на эти жалобы государственных органов власти. В данном случае важно акцентировать внимание на аспект реакции посетителя, поскольку он не способен актуализировать паритетную риторику общения и на этой основе реализовать транскультурную модель темпоральной направленности. Эффектом избежать негативных последствий в такого рода коммуникации послужило бы способность клиента, как представителя иной, постмодернистской, культуры, осмыслить сложившееся общение через транскультурную темпоральную модель. В свою очередь сотрудники со-

циальных учреждений и социальных служб государственной формы собственности, вне зависимости от возрастных параметров, как нам представляется, нуждаются в специальном обучении по паритетной риторике общения. Ведь сотрудники молодого и среднего возраста, являющиеся в основном коммуникантами современности, потенциально могут столкнуться с ситуацией, при которой коммуникантом прошлого оказывается их клиент. И тогда от сотрудника как коммуниканта современности требуется осмысление сложившейся ситуации с учетом транскультурной модели и последующего применение комплекса воздействующих мер, стимулирующих изменение поведения собеседника на пути к транскulturации. Подобная риторика в коммуникации, благодаря сотрудникам, как уже отмечалось, эффективно работает в социальных учреждениях и социальных службах частной формы собственности.

Риторика общения, привнесенная прошлой эпохой функционального структурализма и провоцирующая транскультурный темпоральный сбой, несколько чаще отмечается в транспортных службах города. Спорадически он наблюдается в том числе в городском транспорте частной формы собственности, а именно в маршрутных такси. Интерес в данном случае представляет тот факт, что речь идет не о коммуникации, осуществляемой между водителем и пассажиром, а между автомобилем (возможно, водителем такси) надписей, адресованных пассажирам, и самими пассажирами, а именно о надписях директивного характера, вызывающих, как правило, негативную реакцию адресата. Так, директивный характер надписи в маршрутном такси с обратной стороны сиденья водителя типа *Сиденье руками не трогать* придается благодаря использованию глагола в инфинитивной форме. Транскультурная модель коммуникации предопределяет, однако, надпись, сформулированную в манере просьбы, с присутствием вводного слова *пожалуйста*: *Не трогайте, пожалуйста*,

сиденье руками. Такого рода обращение к пассажирам, несомненно, вызвало бы совершенно иную реакцию восприятия информации и соответственно имело бы значительно больший поведенческий эффект. А своего апогея паритетная риторика общения достигла бы в случае применения в постпозиции данного предложения еще одного слова-предложения *Спасибо*. Благодаря этому в имплицитной форме автор надписи выражает уверенность в том, что его просьба обязательно будет выполнена. Сказанное подтверждается проведенными наблюдениями за реакцией посетителей общественных туалетов, где надписи с оттенком просьбы типа *Берегите воду* заставляют более бережно относиться к воде.

Позитивную реакцию вызывает также императивная семантика совета, заключаемая в конструкциях типа *Уважаемые пассажиры, во время движения транспорта держитесь за поручни*, а также упреждения громкоговорителя в автобусах типа *Асцарожна, дзверы зачыняюцца. Наступны прыпынак «Зялёны гай» (Осторожно, двери закрываются. Следующая остановка «Зеленая роща»* – пер. с бел. яз. авторов).

Риторика общения с локальным транскультурным сбоем

Локальный транскультурный сбой характеризуется непониманием, основанным на разногласиях между коммуникантами, принадлежащими к разным пространственным зонам. Оппозиция в коммуникации формируется благодаря противоположных позиций коммуниканта местного и коммуниканта прибывшего. На пути к транскulturации рассматриваемый транскультурный сбой в большей степени наблюдается, согласно располагаемым данным, в пределах города у представителей разных национальностей. Так, приехавшая в гости к одному из авторов данной статьи казашка пожилого возраста не могла осмыслить ситуацию, при которой молодые люди славянского происхождения в большинстве своем не уступают места в общественном транспорте людям пожилым. Это происхо-

дит на фоне противоположного поведения молодых людей азиатского происхождения, в частности туркменов, приехавших в город Могилев на учебу и привносящих в него элементы своей культуры. Коммуникант прибывший руководствуется в основном традиционными правилами, сложившимися в его культуре; коммуникант местный – паритетным началом нивелирования возрастных параметров, что заимствовано главным образом из культуры Запада. Причем поведение последнего вступает в противоречие с просьбой владельцев общественного транспорта, которая представлена в виде надписи в автобусах типа *Уступайце месца інвалідам, цяжарным жанчынам і людзям пажылога ўзросту* (*Уступайте места инвалидам, беременным женщинам и людям пожилого возраста*). Такого рода просьбы передаются в автобусах также посредством громкоговорителя. Однако ответная реакция адресата имеет место только применительно к пассажирам с маленькими детьми, инвалидам, беременным женщинам и старикам. Лица пожилого возраста во внимание не принимаются, так как в данном случае, на наш взгляд, имеет место паравербальная коммуникация следующего характера: уступая место, коммуникант в имплицитной форме информирует адресата о том, что тот относится к лицам пожилого возраста. Такого рода поступок может повлечь за собой негативную реакцию со стороны адресата: переживание по поводу своего возраста, обида на адресанта, гнев и т.д. Подтверждением сказанного является пример реакции женщины возраста примерно 60 лет, которая, услышав утверждение о том, что в автобусе необходимо уступать место людям ее возраста, ответила следующим образом: *Если бы мне в автобусе кто-нибудь уступил место, я бы три ночи не спала*. Подобную реакцию гнева со стороны адресата пришлось наблюдать в одном из автобусов города: женщина пожилого возраста уступает место мужчине также пожилого возраста, на что тот отвечает: *Вы что? Вы думаете, что Вы моложе меня?* Обра-

щение гостившей казашки к сидящим в автобусах молодым людям в виде *у вас что? Не принято уступать место пожилым людям?* осталось безответным. С точки зрения азиатской культуры, уступать место – это значит проявлять уважение к старшим как доминирующему явлению данной культуры.

Локальный транскультурный сбой в коммуникации отмечается также в разном отношении к помощи незнакомым людям. В этом случае привнесенная культура коллективизма, характерная главным образом для стран азиатского региона, сталкивается с культурой индивидуализма, свойственной европейским странам. Так, прожившая в течение четверти века в Казахстане и впитавшая в себя элементы казахской культуры, основанные на принципе приходить людям на помощь, один из авторов данной статьи однажды оказался в довольно нелепой ситуации в собственном городе. В переполненном автобусе он увидел женщину, стоящую с тяжелой сумкой в руках и дважды предложил ей помощь поддержать ее сумку, как это обычно всегда делалось в Казахстане пассажирами, которые занимали в автобусе сидящие места. Реакцией же со стороны потенциальной собеседницы (адресата) стал лишь элемент невербальной коммуникации, выраженный в виде молчаливого непонимания. Сидевшая рядом женщина, как представитель местного коммуниканта, прокомментировала происходящее следующим образом: *Что Вы беспокоитесь? Если ей тяжело держать сумку, она может поставить ее на пол.*

Риторика общения с межличностным транскультурным сбоем

Наиболее наблюдаемым на исследуемой территории является межличностный транскультурный сбой. Он осуществляется в рамках коммуникации лиц, посещающих те или иные социальные учреждения или прибегающие к использованию социальных услуг. Иными словами, риторика общения, привнесенная прошлой эпохой функционального структурализма, способствует

транскультурному сбою, основанному на недопонимании между представителями одного и того же социума.

Как известно, человек, посещающий заведения социального характера, оказывается невольным коммуникантом в кругу собственного социума. Отсутствие компетентности адаптации в таких условиях порождает межличностный транскультурный сбой. Согласно проведенным наблюдениям, такого рода сбои в коммуникации усугубляются в случае, если ее участниками оказываются лица т.н. «совковой» социокультурной модели, когда говорящие не заинтересованы в общем культивировании своего коммуникативного пространства. Их риторика общения на пути к транскультуральности по принципу «убедить, а не доказать» (Колесов В.В.) обречена на провал, поскольку возникает серьезное препятствие в трансплантации устаревающей социокультурной модели на новую почву. Примером может послужить наблюдаемый нами транскультурный сбой в процессе коммуникации в одной из общественных бань города, спровоцированный следующей ситуацией. Молодая женщина, не спросив предварительного согласия у присутствующих в парилке, наливает на камни ароматическое вещество, предполагая, что посетители будут ей благодарны за бесплатную ароматерапию. Последовавшая реакция посетительниц преклонного возраста в виде криков и оскорблений в ее адрес, причиной которой стало ухудшение состояния одной из женщин, оказалась неожиданной. Такой же характер носила и ответная реакция со стороны молодой посетительницы: обценная лексика, высказывания, уязвляющие возраст типа *Если она болеет, то в больнице надо лежать, а не в баню ходить*.

«Искусство недопонимания», согласно М. Кронгаузу (2008), на наш взгляд, позволяет определить статус участников коммуникации. Не случайно относительно русского мата ученый пишет:

Недаром одна из функций русского мата как раз такова – заполнить пустоты в речи и мысли. Именно так и используют мат не слишком грамотные и образованные люди. К со-

жалению, слушающим слова-паразиты приносят в основном неприятности. Их бесконечный повтор просто раздражает собеседников (2008: 118).

Все сказанное свидетельствует о необходимости выработки четких эталонных средств, используемых в различного рода социальных и речевых практиках для всех представителей социума, что будет способствовать формированию у них транскультурной коммуникативной компетенции, позволит им вписаться в новую социокультурную модель и в конечном итоге приобрести качества медиатора культур, не утрачивая при этом собственной культурной идентичности.

Библиография

- Актуальные проблемы современной лингвистики.* 2010. Сост. Чурилина, А.Н., 5-е изд. испр. Москва: Флинта.
- Дымарский, М.Я. 2008. 'Поляризация микросистемы транскоммунитивных конструкций как путь к ее стихийной оптимизации'. В: *Русский язык в современной науке и гуманитарной технологии в образовании.* Санкт-Петербург: САГА, 67-70.
- Жумабекова, А.К. и Килевая, А.Т. 2015. *Структура современного языкознания..* Алматы: КазНПУ им. Абая: Улагат.
- Кабрин, В.И. 2011. *Транскоммунитивация: преобразование жизненных миров.* Томск: Издательство Томского университета.
- Колесов, В.В. 2004. *Язык и ментальность.* Санкт-Петербург: Златоуст.
- Кронгауз, М. 2008. *Русский язык на грани нервного срыва.* Москва: Языки славянских культур.
- Прошина, З.Г. 2017. 'Транслингвизм и его прикладное значение'. В: *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность.* Т. 14. № 2.

- Тлостанова, М.В. 2011. *От философии мультикультурализма к философии транскультурации*. Москва: Российский университет дружбы народов.
- Халина, Н.В. 2008. *Языкознание в условиях постмодернистской парадигмы*. Барнаул: Издательство Алтайского университета.

Интернет-источники

- Transkomunikacja*. W: *Wikipedia*. Интернет-источник 1: [https: // pl.wikipedia.org, wiki / Spirytyzm / Transkomunikacja].
- Дьяконов, Г.В. *Концепция диалога М.М. Бахтина как методология научно-гуманитарного мышления и мировоззрения*. Интернет-источник 2: [hpsy / public / x2781.htm].

Людмила Килевая
Uczelnia Lingwistyczno-Techniczna w Świeciu,

Айна Рахимова
Żetysuski Uniwersytet Państwowy imienia I.Żansuguowa

